

ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА СЕРГЕЕВИЧА СЕМЕНЦОВА

Отечественная индология понесла тяжелую утрату. 12 января 1986 г. безвременно ушел из жизни один из самых талантливых представителей молодого поколения востоковедов-филологов, старший научный сотрудник Института философии АН СССР, кандидат филологических наук Всеволод Сергеевич Семенцов.

В. С. Семенцов родился в 1941 г. в селе Рудне-Грабовке Житомирской области, куда его отец, лесной инженер, приехал вместе с семьей из Москвы в служебную командировку. С юных лет его почти в равной мере влекли к себе музыка и филология. Музыка были отданы годы учебы в училище им. Гнесиных, два курса Института им. Гнесиных, и внешне — неожиданный поворот: в 1963 г. В. С. Семенцов оставляет музыкальное прище и поступает на отделение индийской филологии Института восточных языков при МГУ. Подспудно зревший в нем интерес к индийской духовной культуре, который предопределил столь резкую перемену в его жизни, укрепился в стенах института (он навсегда сохранил признательность своим институтским преподавателям, среди которых были видные индологи); В. С. Семенцов завершил свое становление как индолог во время стажерской поездки в Индию (1967—1968), учебы в Бенаресском санскритском университете, где он под руководством высокообразованного пандита Мурлидхара Панде изучал традиционную индуистскую комментаторскую литературу, в частности комментарий Ведантадешики на прославленную поэму Бхагавадгиты («Божественная Песнь»).

Неудивительно поэтому, что, когда в 1968 г. В. С. Семенцов становится сотрудником Отдела литератур стран Азии Института востоковедения АН СССР, круг его интересов очерчен уже вполне отчетливо. В первую очередь его привлекали темы «пограничные», расположенные на стыке филологии и религиоведения, философии и культурологии. Можно, не боясь преувеличения, сказать, что мало кто из востоковедов его поколения был более подготовлен к исследованиям такого рода. В. С. Семенцов свободно владел санскритом и хинди, а из западных языков, помимо английского и французского, — немецким, итальянским, испанским и польским; прекрасно ориентировался в санскритских текстах, комментаторских сочинениях, научной индологической литературе. Добавим сюда рано определившуюся в нем устремленность к постижению духовных ценностей ближневосточной и европейской древности и средневековья. И здесь основные тексты были знакомы ему «из первых рук» благодаря знанию древнегреческого, латыни, древнееврейского и сирийского языков.

При всей широте научных интересов и эрудиции (о последней свидетельствуют глубоко содержательные параллели из различных культурных традиций, привлекаемые едва ли не в каждой из его работ) научная деятельность В. С. Семенцова-санскритолога так или иначе концентрировалась вокруг изучения одного из важнейших памятников индуизма — Бха-

гавадгиты. Первый из его трудов — написанная еще на студенческой скамье статья «Анализ содержания Бхагавадгиты» вышла в свет в 1969 г., последние работы, подводящие итоги почти двадцати годам сосредоточенного изучения текста, были опубликованы всего за несколько месяцев до безвременной кончины ученого.

Круг проблем, исследуемых В. С. Семенцовым, был многообразен. Прежде всего он обратился к анализу текстологии Бхагавадгиты — проблемам ее генезиса и формирования в качестве целостного сочинения. Полемизируя со сторонниками «теории интерполяций», ученый доказывал, что поэма может рассматриваться как фиксированный единый текст со времени появления первого авторитетного комментария на нее — «Гитабхашьи» Шанкары (VIII—IX вв.). Так закладывались основы функционального подхода исследователя к Бхагавадгите, последовательно выдержанного во всех его трудах. По существу тот же круг проблем, но под другим углом зрения рассматривался в кандидатской диссертации В. С. Семенцова «Ритмическая структура поэтического текста на примере аналитизации Бхагавадгиты» (1972), в которой изучение общих проблем ритмологии позволило ученому открыть присущий поэме содержательно-ритмический параллелизм и подтвердить полученные прежде текстологические выводы.

И все же, как это ясно теперь, текстологические и поэтологические штудии Бхагавадгиты были для В. С. Семенцова лишь подготовительным этапом в исследовании памятника. В центре внимания ученого неизменно находилась проблема правильного с точки зрения традиции использования поэмы как целостного сакрального текста, т. е. ее функция. Исследование этой проблемы в контексте истории индуизма потребовало пространный «отступления» в область ведических штудий: отдельной монографии «Проблемы интерпретации брахманической прозы» (1981). Главным в этой богатой мыслями книге была разработанная В. С. Семенцовым концепция особого ритуального или символического знания, о котором трактовали тексты ведийского канона брахманы и ранние уранишады. Не знания-результата, которое, завершая мыслительный процесс, может быть запечатлено в форме тех или иных истин, но знания-процесса, знания-состояния, которое возникало в ходе ритуального акта в уме жреца при полном сосредоточении на определенной мифологеме или образе, сопровождаемом произнесенным соответствующей сакральной формулы и выполнением соответствующего сакрального действия. Исследуя далее символические жертвоприношения и некоторые доктрины уранишад в свете этой концепции, В. С. Семенцов убедительно показал постепенное возрастание роли символического знания (ментального компонента обряда) в системе ритуала, ведущее к сакрализации основных моментов человеческой жизни, его способность в предельном случае заместить весь ритуальный акт.

Как раз таким предельным случаем и предстала Бхагавадгита в итоговой монографии ученого «Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике» (1985). В основе «правильного применения» поэмы — последнего этапа эволюции ментального компонента ритуала, подчеркивал В. С. Семенцов, лежало учение о жертве знанием (джняна-иджня), осуществляемой благодаря непрерывной рецитации текста. Такого рода непрерывная рецитация приводила к установлению тождества жизни человека и жертвоприношения, сакрализации человеческого бытия в целом. В то же время с помощью особой структуры образов Бхагавадгита вела рецитирующего к высшему для индуистской традиции состоянию сознания — безобъектному знанию, или знанию, обращенному на сам познающий субъект.

Как показал В. С. Семенцов в своей последней статье «Проблемы трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты» (1985), ритуальная модель играла важную роль и в передаче традиционной индуистской культуры. В отличие от современной культуры, где основой трансляции является передача знания-объекта, в традиционных культурах учитель передавал ученику целостное содержание своей личности. Такая передача становилась возможной, поскольку ученик воспринимал и воспроизводил ритуальное поведение, установленное основателем традиции и организованное, как всякий ритуал, на физическом, речевом и ментальном уровнях. Благодаря воспроизведению всех этих трех уровней личность непосредственного наставника, а через него и личность основателя традиции, первого учителя, запечатлевалась в ученике со всей полнотой. Этот способ воссоздания «самоотжества» традиционной культуры обычно рассматривался в ней как «второе рождение», «духовное рождение», во всем подобное рождению физическому.

Одним из важнейших результатов своих «гитологических» штудий В. С. Семенцов считал полный перевод памятника средствами русского стиха и с соблюдением формы и образной структуры подлинника, выполненный им для его книги о Бхагавадгите. Филологически безупречный этот перевод сделан человеком с точным художественным вкусом и несомненным даром поэтического слова.

Предполагая дальнейшие, еще более углубленные исследования философской мысли древней и средневековой Индии, В. С. Семенцов в 1984 г. переходит на работу в Институт философии АН СССР, где он пишет проспект

разделов, посвященных Индии, для десяти-томной «Истории философии», задумывает ряд работ по буддийским текстам. Этим планам ученого уже не суждено было осуществиться.

Даже такой, по необходимости беглый и неполный очерк научной деятельности В. С. Семенцова свидетельствует о масштабах и глубине его научных исканий, о немалой значимости его работ для изучения древних и средневековых восточных культур, для исследования проблемы традиционализма в идеологии, литературе, искусстве современного Востока.

Исследовательская деятельность была важной частью его жизни, но для знавших В. С. Семенцова сколько-нибудь близко — обаяние и притягательность его заключались отнюдь не только в научных успехах, сколь бы значительными они ни были. Он был личностью в самом полном и точном значении этого слова. Четкие нравственные критерии, но без какой-либо авторитарности и догматизма составляли существовавшую часть его неповторимого духовного облика. Он умел выслушивать чужую точку зрения с бесконечным терпением, если спорил, то мягко, даже с какой-то ласковостью, но едва дело доходило до главных понятий, научных ли, жизненных ли, отношение к которым было им для себя раз и навсегда установленным, он делался непреклонно-твердым, жестко-неуступчивым. Он был благожелателен и долготерпелив — два качества, которые влекли к нему людей и делали его незаменимым учителем — учителем санскрита, индийской философии и культуры, просто добрым советчиком и помощником для учеников и друзей. Близкое общение с В. С. Семенцовым неизменно внушало чувство покоя, укрепляло уверенность и в собственных силах; он твердо стоял на ногах, обладая ничуть не приземлившей его привязанностью к быту и той особой рассудительностью, благодаря которой его самые смелые мысли и суждения всегда оставались ясными, взвешенными и в лучшем смысле слова осторожными — походи судить о серьезном он не любил и не умел.

Невозможно смириться с тем, что о научных его достижениях, о человеческих качествах и поступках нам суждено отныне говорить и писать в прошедшем времени. Он оставил нам свои книги, мысли и нечто бесконечно важное и значительное, заставляющее верить, что смерть не всеильна и его существование среди нас будет длиться и длиться.

Друзья и коллеги